

Первоначально эта статья называлась «Власть, желание, интерес»¹. В самом деле, о какой бы власти ни шла речь в последующих размышлениях, она может быть получена политически мотивированным (заинтересованным) отказом доводить до предела основополагающие предпосылки моих желаний (в той мере, в какой они мне подвластны).

Эта примитивная трехчастная схема, применяемая как к наиболее ангажированному, так и к максимально ироничному дискурсу, несет на себе печать того, что Альтюссер удачно назвал «философиями отрицания»². Я обозначаю свое позиционирование столь странным способом, чтобы подчеркнуть, что выявление позиции исследователя во многих недавних критических обсуждениях суверенного субъекта остается бессмысленным благочестием. Поэтому, хотя я и буду систематически напоминать о шаткости своей позиции, я осознаю, что таких жестов вовсе не достаточно.

В этой статье будет намечен путь — неизбежно извилистый — от критики

современных западных попыток проблематизировать субъекта до вопроса о том, как субъект третьего мира представлен в западном дискурсе. По ходу дела у меня возникнет повод указать на то, что еще более радикальная децентрация субъекта неявно намечена как у Маркса, так и у Деррида. Я прибегну (возможно, неожиданно) к аргументу, согласно которому западное интеллектуальное производство во многих отношениях заодно с международными экономическими интересами Запада. В итоге я предложу альтернативный анализ отношений между дискурсами Запада и возможностью говорить об угнетенных женщинах или от их имени. Я приведу конкретные примеры из истории Индии, подробно обсудив парадоксальный статус отмены жертвоприношения вдов, осуществленной британцами.

Некоторые из наиболее радикальных форм критики, производимых сегодня Западом, являются результатом заинтересованного желания сохранить субъект Запада или Запад как Субъект. Теория плюральных «субъект-эффектов» создает иллюзию подрыва суверенного субъекта, на деле зачастую обеспечивая завесу для этого субъекта знания. Хотя история

Европы как Субъекта нарративно раскрывается правом, политической экономией и идеологией Запада, сам этот скрытый Субъект заявляет, что у него «нет геополитических определений». Таким образом, громкая критика суверенного субъекта в действительности возводит Субъекта на престол. Я докажу это, проанализировав беседу двух важнейших представителей такой критики, Мишеля Фуко и Жюль Делеза, под названием «Интеллектуалы и власть»³.

Эту дружескую беседу двух философов истории, являющихся к тому же политическими активистами, я выбрала потому, что в ней отменяется оппозиция авторитетного теоретического производства и беспечного разговора, что позволяет выявить в тексте идеологическую траекторию. Участники дискуссии выдвигают на первый план важнейшие достижения французской постструктуралистской теории: во-первых, что сети власти / желания / интереса настолько гетерогенны, что их сведение к логичному нарративу контрпродуктивно, а потому необходима неустанная критика; во-вторых, что интеллектуалы должны попытаться раскрыть и познать дискурс Другого —

Другого по отношению к обществу. Однако оба участника беседы систематически игнорируют вопрос идеологии, а также собственного места в интеллектуальной и экономической истории.

Хотя одной из главных посылок разговора Фуко и Делеза является критика суверенного субъекта, она обрамлена аллюзиями к двум монолитным и анонимным субъектам-в-революции: «маоисту» (ИВ, 66) и «борьбе рабочих» (ИВ, 80). При этом интеллектуалов называют по имени и четко различают, тогда как китайский маоизм вообще нигде не фигурирует. Маоизм лишь создает в беседе ауру нарративной специфики, которая была бы безобидной риторической банальностью, если бы невинное присвоение имени собственного «маоизм» эксцентричному феномену французского интеллектуального «маоизма» и возникшей вслед за ним «новой философии» не наделяло «Азию» симптоматичной прозрачностью⁴.

Отсылка Делеза к борьбе рабочих не менее проблематична — очевидно, это жест коленопреклонения: «Поэтому мы не можем прикоснуться к какой-либо точке приложения власти, чтобы не столкнуться с рассеянной совокупностью этих

точек, которую отныне нельзя не хотеть низвергнуть, взорвать... Таким образом, всякая частная революционная оборона или всякое конкретное революционное нападение соединяются с борьбой рабочих» (ИВ, 80). Банальность этого высказывания возвещает об отказе от признания определенных вещей, а именно международного разделения труда, — и это жест, весьма характерный для постструктуралистской политической теории⁵. Обращение к борьбе рабочих *как таковой* пагубно в своей невинности; оно не способно соотнестись с глобальным капитализмом и производством рабочего и безработного как субъектов в идеологиях национальных государств в Центре этого глобального капитализма; со все большим исключением рабочего класса Периферии из реализации прибавочной стоимости и, следовательно, из «гуманистического» приучения к консюмеризму; наконец, с масштабным присутствием паракапиталистической рабочей силы, а также с гетерогенным структурным статусом сельского хозяйства на Периферии. Игнорирование международного разделения труда, представление «Азии» (а временами и «Африки») в качестве чего-то про-

зрачного (если только предметом разговора якобы не становится «третий мир»), восстановление правового субъекта социализированного капитала — все это проблемы, свойственные значительной части как постструктуралистской, так и структуралистской теории. Почему же подобные помехи получают санкцию именно от тех интеллектуалов, которые стали нашими лучшими пророками в вопросах гетерогенности и Другого?

Отсылка к борьбе рабочих связана с желанием подорвать власть в каждой точке ее применения. Очевидно, она основана всего лишь на позитивной оценке *любого* желания уничтожения *любой* власти. Вальтер Беньямин комментирует схожую политику Бодлера, цитируя Маркса:

Маркс продолжает характеристику *conspirateurs de profession* [профессиональных заговорщиков] следующим образом: «...они не преследуют никакой иной цели, кроме ближайшей — свержения существующего правительства, — и полны глубочайшего презрения к теоретическому просвещению рабочих относительно их классовых

интересов. Отсюда их не пролетарская, а плебейская злоба к *habits noirs* [черным сюртукам], к более или менее образованным людям, представляющим [*vertreten*] эту сторону движения, от которых они, однако, как от официальных представителей [*Repräsentanten*] партии, никогда не могут стать совершенно независимыми».

Политические воззрения Бодлера в принципе никогда не оказывались шире взглядов этих профессиональных заговорщиков... Во всяком случае, слова Флобера: «Из всей политики я понимаю только одно: мятеж» — вполне могли быть его собственными⁶.

Пропусту говоря, связь с борьбой рабочих кроется в желании. В другом тексте Делез и Гваттари дали определение желания, альтернативное психоаналитическому: «Желание ни в чем не испытывает нехватки, у него нет нехватки в своем объекте. Скорее, именно субъект отсутствует в желании или, говоря иначе, у желания нет постоянного субъекта, последний бывает лишь благодаря подавлению. Желание и его объект составляют единое

целое, это машина как машина машины. Желание — это машина, объект желания — тоже подключенная машина, а потому продукт изымается из производства, а что-то от производства отделяется, передаваясь продукту, который, в свою очередь, отдает остаток кочевому и бродячему субъекту»⁷.

Это определение не меняет специфики желающего субъекта (или остаточного субъект-эффекта), который привязывается к определенным инстанциям желания или к производству желающей машины. Более того, когда связь между желанием и субъектом считается маловажной или просто переворачивается, подспудно возникающий субъект-эффект во многом напоминает обобщенного идеологического субъекта теоретика. Это может быть правовой субъект социализированного капитала, но не рабочей силы и не менеджмента, то есть субъект, обладающий «надежным» паспортом, использующий «крепкую» или «твердую» валюту, имеющий гарантированный доступ к надлежащим правовым процедурам. И это точно не желающий субъект как Другой.

Неспособность Делеза и Гваттари рассмотреть отношения между желанием,

властью и субъективностью лишает их возможности сформулировать теорию интересов. В этом контексте их безразличие к идеологии (теория которой необходима для понимания интересов) поразительно, но вполне логично. Ориентация Фуко на «генеалогические» спекуляции не позволяет ему распознавать в таких «великих именах», как Маркс и Фрейд, пороги, возникающие в непрерывном потоке интеллектуальной истории⁸. Она привела его к досадному сопротивлению «простой» идеологической критике. Западные спекуляции об идеологическом воспроизводстве социальных отношений принадлежат к этому критическому мейнстриму, и именно в рамках этой традиции Альтюссер пишет: «Воспроизводство рабочей силы требует не только воспроизводства рабочей квалификации, но и воспроизводства ее подчинения правилам установленного порядка. То есть воспроизводства подчинения господствующей идеологии у рабочих и воспроизводства способности правильно манипулировать господствующей идеологией у эксплуататоров, чтобы они и “на словах” [*par la parole*] тоже обеспечивали доминирование господствующего класса»⁹.